

С 9 по 24 мая в Москве находился Юрий Наумов. Это был более длительный и более деловой визит, чем в прошлом, 94-м году, когда Юрий пробыл в Москве только четыре дня, дав два концерта (в ДК Горбунова — на основе этого концерта фирмой "Фили Рекордз" был издан компакт-диск "Московский Буги" — и в "Подвале На Курской"). В этом году Наумов приехал по приглашению бельгийского продюсера Мишеля Драшуссофа, чтобы записать альбом на российско-бельгийской студии "Академия".

Разумеется, не обошлось без концертов: официального — в ЦДЛ и неофициального, на квартире. И, разумеется, зал ЦДЛ был полон, и прием — самый горячий, хотя нельзя не отметить, что, как и в прошлом году, от Наумова ждали старых и любимых хитов (прежде всего знаменитой "Сказки О Карле"), новые же, англоязычные песни, которые он так стремился показать публике, приняты были прохладно; с уважением, но без интереса. Жаль: ведь хотя новые песни и уступают по силе эмоционального воздействия хитам прошлых лет, но они — отражение сегодняшнего и, возможно, завтрашнего дня музыканта, и люди, интересующиеся творчеством Наумова, должны бы заинтересоваться и попытаться понять, чем живет их кумир сейчас.

Rockfuzz - 1995 - авг (н24) - с. 99

Корр.: Юра, в твоих песнях постоянно тема бегства: слова "я бежал", "я не смог убежать" встречаются чуть ли не в каждой второй. Так вот, смог ли ты убежать от всего, от чего бежал?

Ю.Н.: Ну, может быть, я просто по натуре эскapist... Но вообще, это целый клубок; ты можешь, скажем, взять некое объемное явление, расплющить его на плоскости, раскатать, и потом посмотреть эти плоскостные слепки. Это все равно, что на атласе мира изобразить земной шар: он шарик, у него еще есть некое измерение, которое ты не можешь учесть, как бы хорошо ты на кораблике ни плавал и как бы ты внимательно эти вещи ни фиксировал на картах. Я могу так сказать: наверное, это некий фактор, не обязательно негативный, который был присущ крупному фрагменту моей жизни, самостоятельной жизни, когда я уже понял, что хочу быть художником и жить жизнью художника, и у меня есть силы сопротивляться давлению родителей, государства, воспитательных институтов, даже круга друзей, которые хотели меня удержать в каком-то старом качестве рядом с собой. И поскольку я был, наверно, не сильным человеком и у меня не хватало пороку воевать свою войну, не сходя с места, одним из способов становления для меня оказалось бегство. И просто по ходу его, по ходу сочинения песен и осуществления себя в качестве художника, я в песнях это отрабатывал, и оно так и осталось.

Корр.: Еще одна твоя постоянная тема — возвращение. Что для тебя сейчас означает "возвращение"?

Ю.Н.: Я не могу сейчас сразу ответить. Хотя... если я каким-то образом меняюсь во времени, то с данной точки зрения тема возвращения — это момент сверки с некоей системой координат, в которой ты когда-то пребывал, и которую ты некогда покинул.

Корр.: Есть "возвращение" в нынешнем — уже вторым приезде сюда?

Ю.Н.: Я не могу тебе ответить на этот вопрос, потому что для себя я это обозначаю под другим углом. Ты мне предлагаешь некую звуковую стихию, в которой я должен себя обозначить... Элемент возвращения в этом есть, но в целом мой приезд в Москву и в прошлом году и в этом — я как бы вернулся. Я, приезжая сюда, не исхожу из предпосылки, что то, что я делал в 80-х, что я нарабатывал, и та аудитория, которую я вокруг себя собрал, будет некоей хранящей меня средой, которая меня не забудет, поддерживает в трудную минуту, и на которую я могу рассчитывать. Я исхожу из того, что почва, на которой я когда-то стоял, ушла и потеряна безвозвратно. Есть телефоны, есть адреса друзей, с которыми мы находили общий язык пять-шесть лет назад, но я не ставлю на это. Я могу втайне на это надеяться, но установка на то, что это могло и "крякнуть" навсегда. Я готовлюсь к тому, что не испытаю шока, увидев пустыню там, где когда-то рос лес.

Корр.: А весь этот ажиотаж по поводу тебя в средствах массовой информации относится, по-твоему, конкретно к тебе или к такой фигуре "возвращенца", очень модной сейчас у нас?

Ю.Н.: Ты понимаешь, я не знаю критериев: насколько активность средств массовой информации по поводу моей персоны является в сегодняшней России стандартом вообще. Может, это нормально, и такое же внимание уделяется любой мало-мальски толковой команде. Мне не с чем сравнивать. У меня

было шесть интервью за четыре дня, возможно, это стандарт сегодняшней Москвы. Возможно, тому же Косте Кинчеву приходится давать по 15 интервью в день. Ты изнутри смотришь на это и говоришь: "Слушай, а ведь это ажиотаж вокруг тебя!", а я, приехав, дал какие-то интервью нескладным славным людям, отыграл концерт, и я не могу посчитать это ажиотажем.

Корр.: То есть ты не считаешь

дьюсер, приехал в Москву, зашел к нему в гости, и Серега сказал, что у него есть живая запись моего концерта. Мишель захотел посмотреть, и после этого сказал, что надо этого парня записать, мол, где он сейчас? Сережка сказал, что я в Нью-Йорке, дал телефон, Мишель мне позвонил в начале января и сказал, что предлагает мне записать альбом длительностью 45-50 минут на его студии в Москве, на 16 цифровых кана-

думаю, приеду в Россию, и надеюсь, что обстоятельства сложатся так, что я смогу, наконец, взглянуть в Питер и отыграть концерт-два. Мне важно записать не просто хороший альбом, а альбом убойный. Эта работа, от которой я, будь мне 17-19 лет и будь я человеком, настроенным на рок-волну, просто бы выпал. Я его конструировал подобным образом. Поскольку он рассчитан и сфокусирован на мою восприимчивую, я не могу представить, какой эффект он будет вызывать, но по моему ощущению — несмотря на то, что остается еще немало крепких песен — я, честно говоря, не думаю, что способен создать альбом более сильный по совокупности и кумулятивному эффекту, чем тот, который я пишу сейчас, в эти дни. Возможно, это вообще будет самая лучшая работа, на которую я способен.

Корр.: А как ты думаешь, все ли твои песни не устарели на данный момент?

ВОЗВРАЩЕНИЕ

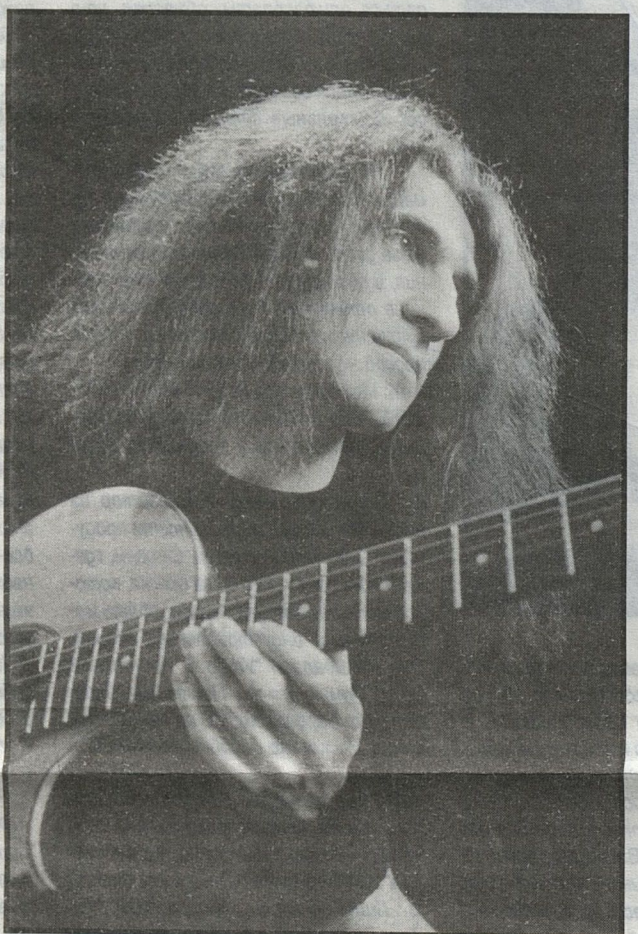

фото С. Бабанко

себя перебеженным внезапно из "солдат рок-н-ролла" в офицеры?

Ю.Н.: Нет... Нет устойчивой системы координат, относительно которой я могу делать такие выводы. Я приезжаю, мне задают какие-то вопросы... Ага, вот изначальная предпосылка: в 91-92 годах я получил изрядное количество писем, которые мне сказали, что страна изменилась до неузнаваемости, что страна, из которой я некогда уезжал, перестала существовать. И поскольку это писали совершенно разные, непохожие друг на друга люди, которые на другие темы стали бы, возможно, конфликтовать, настолько единогласно это было ими произнесено, что я в это поверил. Я приехал, исходя из того, что я ничего не знаю об этой стране. Знаю только, что говорю на этом языке, как на родном, без акцента и могу понимать речь окружающих. Я просто выслав свой предшествующий опыт как никчемный, понимаешь? Мой предшествующий опыт аннулируется — может быть, зря. Я готов, например, к тому, что я не пойму какого-то сленга 90-х. Нет такого настроения: "Ну вот, братки, я приехал, вас четыре года не видел, всем привет!", нету этого. Я не знаю, что меня ждет. Но "эй, что мне остается взамен?".

Корр.: Расскажи, пожалуйста, подробнее об альбоме, который ты здесь записываешь.

Ю.Н.: В первую очередь я скажу то, что очень важно, и пускай люди об этом знают: мой приезд в Москву состоялся с подачи Сергея Калугина. После того, как я отыграл концерт в ДК Горбунова в прошлом году, ряд людей сделали на нем любительские видеозаписи, одна из которых угодила к Сереге под Новый год. Мишель Драшуссофф, его про-

лов. Я сказал: "Вперед, на Запад, где солнце всходит!" Таким образом я решил реализовать проект, который достаточно хорошо обдумал. Он будет называться "Фиолетовый Альбом" или просто "Фиолетовый", либо просто "Юрий Наумов", а на обложке будет громадный фиолетовый квадрат. Это мой любимый цвет, и соответственно, песни будут подобраны по моему любимому цвету. Альбом будет темный, местами тяжелый, весьма интенсивный и до некоторой степени угрюмый. Из песен более или менее известных туда войдут "Поролоновый Город", "Ночной Полет", "Сюрреалист"... не буду называть всех, чтоб не отбивать вкус у слушателей.

Корр.: Будут ли там песни на английском?

Ю.Н.: Ни в коем случае. Альбом из семи песен на русском языке, он изначально адресован в первую очередь российским слушателям. Наверняка он может пропутешествовать и за пределы России, в частности, я говорил со своим знакомым в Лондоне, который сказал, что они с ходу закупили бы сто экземпляров. Но принципиальный рынок распространения — российский; в первую очередь я думаю о таких городах, как Москва, С.-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Челябинск, возможно, Иркутск. Две столицы и крупные города на Урале и в Сибири, где люди были худо-бедно со мной знакомы.

Корр.: А какие сроки издания?

Ю.Н.: Диск будет сводиться в Брюсселе, скорее всего, поздним августом или ранним сентябрем. Звуко-режиссером будет человек, который несколько лет работал с группой MARILLION. Выйдет диск на границе октября и ноября. Под это дело я,

Ю.Н.: Понятия не имею. Я исходил из своих внутренних оценок и на этот альбом отбирал песни, которые для меня столь же актуальны, как и на момент написания. Есть ряд номеров, сочиненных в 82-83 году, которые устарели безнадежно — та же "Переведи На Нейтраль". Но скажу тебе, что одна из моих российских песен, которая пользуется колоссальной популярностью среди американцев — это "Поролоновый Город"; она была написана в 84 году. Они просто отсылаются!

Корр.: В твоём альбоме участвуют приглашенные музыканты или это солильный проект?

Ю.Н.: На всех клавишных играет мой замечательный друг Миша Секей, который до этого принимал участие в альбомах "Неподдающийся Проверке" и "Пережати-Поле"; и, возможно, одну гитарную партию сыграет гитарист, который работает на этой студии звукооператором, Володя Тараненко. Все остальное — бас-гитара, акустическая гитара, вокал и программирование драм-компьютера — мои мысли по поводу барабанов, воплощенные в звуке — это все мое.

Корр.: Не было бы разумнее пригласить живого барабанщика?

Ю.Н.: Абсолютно неразумный расклад. Во-первых, для того, чтоб барабанить так, нужен гений, просто хороший барабанщик не годится. А во-вторых, даже гениальным барабанщиком для того, чтоб все прорюхать, понадобится недели три-четыре, а у нас просто нет такого времени. Потом, барабаны у меня с сампленными живыми звуками, так что по звучанию это будет живое месило, никакой химии. Прелесть-то в том, что технология подоспела, чтоб вооружить человека, который хочет сохранить независимость, при этом

воплощая свои идеи так, как он слышит у себя в голове, в живых звуках. Класс-то 90-х в том, что сейчас я могу воплотить старые качественные идеи в нынешнем звуке на очень приличном уровне, который был мне недоступен еще 6-7 лет назад.

Корр.: А не хотел бы ты сыграть когда-нибудь в паре с кем-нибудь из известных рок-музыкантов — в мировом масштабе?

Ю.Н.: Нет. Я как-то уже прикололся к тому, чтоб быть таким одиноким волчком. Я нахожусь в этом даже некое удовольствие. Мне по кайфу быть одному, рубиться одному, не привязываясь к какому-то сотрудничеству и вытекающим из него компромиссам.

Корр.: Ну а если бы тебе однажды позвонил, скажем, Чэт Аткинсон или Эрик Клэптон или кто-нибудь из любимых людей — что бы ты им сказал?

Ю.Н.: Я мог бы в это вписаться чисто ради карьерных соображений, но был бы движим при этом расчетом или необходимостью, а не вдохновением или искренним внутренним желанием. Может быть, с годами я на эту тему помячусь. Я не буду тебе впаривать, что "компромисс не для нас", компромисс-таки для меня, но отношение к нему будет чисто как к компромиссу. Если мне скажут: "Чувак, ты лабаешь сам по себе, и тебя знают 5 тысяч человек, а слабаешь с Четом Аткинсоном, и тебя будут знать 700 тысяч", я скажу: "Вписываюсь". Но вписываюсь не от того, что для меня счастье играть с Четом Аткинсоном, а для того, чтоб мои индивидуальные идеи услышало большее количество людей.

Корр.: Как ты оцениваешь свое место в отечественной и мировой рок-культуре?

Ю.Н.: Ты понимаешь, какая штука: я много думал не по поводу своего места, а по поводу вообще чувства принадлежности, места в истории, всяких таких хрестоматийных дел. И в итоге выслав всю эту систему координат, все идеи иерархии. Я открыл собственную галактику, которая для меня важна и в моем сознании занимает громадное место. Люди могут пройти мимо нее, даже не взглянув и не обратив внимания, а она существует. Это мир на одного и для меня это мир мощный и громадный. Для себя я стал самым важным музыкантом в моей жизни, и по моему счету, нет музыкантов клеветее, чем я, и нет музыки клеветее, чем моя.

Но это на мне и замыкается. Я не могу вылезти наружу себя и попытаться объективно оценить. У меня был период, когда я думал, что в мою музыку люди врубятся так же легко, как в BEATLES. Потом у меня был период, когда я думал, что в мою музыку не врубится вообще никто. Правда оказалась где-то посередине, но ближе ко второму варианту. У меня нет комплексов по поводу того, кто я, но есть откровенное изумление — и чем дальше, тем оно больше — от того, что люди, которые находятся по ту сторону меня, все другие люди, в состоянии на это как-то реагировать и как-то с этим соотноситься.

Корр.: Знаешь, у нас здесь в последние годы ты приобрел статус некоего "гитарного гуру", которому пытаются подражать, пользоваться находками, чтоб создать что-то свое... Что ты скажешь по этому поводу?

Ю.Н.: Худшее, что могло бы из всего этого получиться — если бы возникла так называемая "Наумовская школа". Я не хочу клонировать себя. Я не хочу, чтоб другие люди, у которых есть некий дар, большой или маленький, в какой-то хоть малейшей степени уподоблялись мне. И если кто-то из таких людей читает сейчас то, что я говорю, я скажу: "Не следуйте за мной, не ходите, не надо!" Пусть у людей будут их неповторимые индивидуальности, поиски и находки.

Корр.: Как у Высоцкого: "Эй ты, задний, делай, как я! Это значит — не надо за мной..."

Ю.Н.: Я не говорю людям: "Эй, вы, задний!", это бы значило, что я классный, мол, я впереди. Вовсе не обязательно я впереди, а они сзади. Но если мои гитарные дела для ко-

го-то точка навигации или маяк — я не буду по этому поводу радоваться или ругаться; если для кого-то в какой-то момент в этом было вдохновение и поддержка, пусть так. Но я не хотел бы, чтоб было так, что возникает Блэкмор, а потом через 15 лет в любом миллионном городе северной цивилизации можно найти 200-300 мальчишек, которые сидят в подъездах и поливают, как Блэкмор. Если бы это случилось со мной и моей музыкой — я не думаю, что так произойдет, но если бы — это было бы трагедией. Я этого очень не хочу.

Корр.: В Америке ты играешь в основном в клубах Нью-Йорка. Были ли какие-то концерты на бивезде и какие-то более масштабные выступления?

Ю.Н.: Конечно. Я играл на шикарном, очень престижном фестивале "Бен энд Джерри" в июне прошлого года; из крутых папиков там был Бо Диддли. Меня слышало несколько тысяч человек, люди подходили, раскупали кассеты, удивлялись, почему я до сих пор не звезда и очень крепко проперлись, а я нагло отъезжал и купался в минутных лучах славы. В принципе, я поеду выступать на фестиваль в Сан-Франциско на День Независимости в этом году, еще есть ряд людей в Сан-Франциско, которые закидываются на том, чтоб пригласить меня на джазовый фестиваль. Уровень там серьезный, они занимаются музыкантами типа Чика Кориа или Херби Хэнкока. Люди получили мои демо-записи, реакция очень теплая и, может быть, для меня в этом будет какое-то развитие. А в Нью-Йорке играть по кайфу, там правильные люди, великолепный город, я его очень люблю и у меня нет никаких внутренних конфликтов. Нью-Йорк для меня родная стихия, я люблю нью-йоркскую публику. В лучших своих чертах она похожа на московско-питерскую.

Корр.: В прошлом году ты говорил, что бы собирался писать совместный альбом с Костей Кинчевым. Этот проект так и отложился в долгий ящик?

Ю.Н.: А я видел его три дня назад, мы адруг совпали на "Программе А". Я так понял, что альбом-то он собирается записывать с Андрюшей Шаталиным, осенью этого года, и когда он узнал, что я приеду по осени устаривать агрессивную рекламную кампанию своему альбому... Очень возможно, что я подойду к нему на студию и пропишу пару гитарных траков, чего бы нет. Мне просто надо будет посидеть пару суток, вспомнить все эти дела минувших дней, а потом взять и помочь ему в его проекте. Песни-то достойные. Все возможно, на этом проекте никто не ставил крест.

Корр.: И последнее: Юра, несколько слов для всех, кто в Питере помнит, знает, любит и ждет в гости.

Ю.Н.: Ну, ребята, я могу сказать такую вещь: не знаю, как моя судьба сложится дальше, но на сегодняшний момент я вам исключительно благодарен за то, что вы в достаточно трудные для меня годы приходили на мои концерты и своей моральной поддержкой — и своими деньгами — не дали мне погибнуть с голоду, дали осуществить себя как музыканта, сберегли мне руки, освободив меня от работы в кофегарках и мозолей. И в том, что я однажды стану классным блюзовым гитаристом, и обо мне узнает весь мир — такое не исключено — в этом будет неслабая ваша доля. Потому что в самый ключевой момент выживания вы были со мной и не дали мне погибнуть как музыканту. Я вам очень, от сердца благодарен, и я этого не забуду.

Екатерина БОРИСОВА

